

Феномен «слабой приживаемости» поселений Дальнего Востока¹

В статье рассматривается специфическая для Дальневосточного региона России проблема — полная и массовая утрата населенных пунктов, в том числе и существовавших длительное время. Показано отличие этого процесса от подобных случаев на территории Европейской России. Рассмотрена реальная историческая динамика этого процесса, приведены примеры утраты населенных пунктов, показаны несколько основных причин, по которым она происходит. Опровергается устоявшееся мнение о том, что утрата поселений характерна только для постсоветского периода. Рассмотрены типичные заблуждения относительно характера этого процесса. Указанное явление получило авторское наименование «слабая приживаемость» населенных пунктов. Введение этого термина является одним из важных для характеристики состояния системы расселения Дальнего Востока.

Ключевые слова: система расселения, Дальневосточный макрорегион, населенные пункты, поселения, утрата поселений, сворачивание системы расселения.

MAZAEV A. G.

THE PHENOMENON OF «WEAK SURVIVAL» OF SETTLEMENTS IN THE FAR EAST

The article examines a problem specific to the Far Eastern region of Russia — the complete and massive loss of settlements, including those that existed for a long time. The difference between this process and similar cases on the territory of European Russia is shown. The real historical dynamics of this process is considered, examples of the loss of settlements are given, several main reasons why it occurs are shown. The well-established opinion that the loss of settlements is characteristic only of the post-Soviet period is refuted. Typical misconceptions about the nature of this process are considered. This phenomenon has received the author's name «poor survival rate» of settlements. The introduction of this term is one of the most important for characterizing the state of the settlement system of the Far East.

Keywords: settlement system, Far Eastern macroregion, exclave, semi-exclave, settlement framework, geopolitics, «middle territory», contact zone.

**Мазаев
Антон
Григорьевич**

кандидат архитектуры,
член-корреспондент
РААСН, зав. лабораторией,
филиал ФГБУ
«ЦНИИП Минстроя России»
УралНИИпроект,
Екатеринбург, Российская
Федерация

e-mail: uro-raasn@mail.ru

Целью данной статьи является рассмотрение причин массовой утраты населенных пунктов на территории Дальневосточного федерального округа. В научной литературе неоднократно отмечался факт утраты большого числа поселений, оценивается он как крайне негативный и тревожный. Такие оценки безусловно имеют под собой реальное основание — исчезновение населенного пункта есть событие, свидетельствующее о значительном провале развития системы расселения региона, которая не может сохранить и удержать свои отдельные элементы в жизнеспособном состоянии, что ведет к ее стагнации на обширной территории. Ранее мы рассматривали роль, которую в системе расселения Дальнего Востока играют относительно небольшие по своей численности населенные пункты. В условиях крайне

разреженной очаговой системы расселения они служат опорными пунктами, влияние которых охватывает значительные территории. Самые важные из них мы назвали «города (поселения) удержания», имеющие особо важную роль в системе расселения, в силу чего необходимо их сохранение при любых сценариях развития.

Следует отметить, что для России в целом феномен исчезновения населенных пунктов, в первую очередь сел, деревень и поселков городского типа, к сожалению, не нов и не уникален. Значительное их число было утрачено за последние сто лет, этот процесс получил ускорение с 1970-х гг., когда по всей стране широко применялась практика целенаправленной ликвидации т.н. «неперспективных деревень». Наименее малочисленные, территориально удаленные сельские населенные пункты в организованном порядке закрывались, а их население перевозилось в более крупные села, чаще всего в т.н. «центральные усадьбы» колхозов и совхозов. С наступлением в начале 1990-х гг. новых социально-экономических условий этот процесс начал развиваться дальше, уже на ос-

¹ Работа выполнена по плану ФНИ РААСН и Минстроя России на 2021 год в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы).

нове самоорганизации населения, которое продолжало самостоятельно покидать те поселки, которые оказались неперспективными уже с учетом новых реалий.

Процесс заселения Дальнего Востока, его трудности, включая сворачивание системы расселения, имеют свою историю исследований. Первая систематическая работа, посвященная освоению Дальнего Востока, была подготовлена А. П. Георгиевским (1926 г.) и охватывала ранний период освоения Дальнего Востока [2]. В дальнейшем этим вопросам посвящены несколько научных монографий [1, 6], в частности, работа В. М. Кабузана (1975), в которой собран большой массив данных о динамике заселения Дальнего Востока [3]. Отток населения с Дальнего Востока начал осознаваться в отечественной науке как проблема начиная с 1960-х гг., когда возник термин «западный дрейф населения», обозначающий явление обратного возвращения населения из районов нового освоения на староосвоенные территории центральных регионов России. В советский период в Институте социологических исследований АН СССР в 1975 г. К. Г. Кондаковым, Н. И. Кожевниковой, Л. А. Колтуновой и И. С. Безруковым подготовлены две докладных записки о неотложных мерах по заселению Дальнего Востока [4, 5], в которых отмечалась активизация процесса обратного оттока населения из районов этого региона и сворачивания сети поселений в нем. Подобие рассматриваемому процессу имеется по всей территории России, хотя и не в такой острой форме, как на Дальнем Востоке.

Некоторую аналогию предпринятого нами сбора информации относительно исчезающих населенных пунктов Дальнего Востока среди отечественных ученых представляет работа Р. В. Шайдудлина, который собрал сведения и разработал справочное издание «Исчезнувшие сельские населенные пункты Республики Татарстан» [7]. Тем не менее, внешнее сходство процесса исчезновения населенных пунктов по России в целом и на Дальнем Востоке имеет ряд глубоких различий. Для ДВФО это явление имеет стратегический характер в силу того, что это наименее освоенный макрорегион современной России со слабо развитой системой расселения, носящей преимущественно очаговый характер. Он начал осваиваться позже всех — по сути лишь с середины XIX в. В этом контексте исчезновение населенных пунктов выглядит не только как потеря эле-

ментов расселения, а стратегическая неудача в первичном заселении территории.

Когда речь идет о причинах исчезновения населенных пунктов на Дальнем Востоке, то на уровне массового сознания о них сложился ряд стереотипов, из них наиболее часто встречаются:

- 1 Утрата населенных пунктов получила массовый характер относительно недавно, в основном после 1991 г., когда в новых социально-экономических условиях стало невыгодно поддерживать существование многих из них — прежде всего, наиболее удаленных и малочисленных.
- 2 Ликвидируются поселения изначально малочисленные, с небольшим сроком существования. Поселения, которые превышают некую пороговую численность населения, имеющие длительную историю существования и относительно развитую инфраструктуру, исчезнуть практически не могут.
- 3 Исчезновение поселения — это результат длительного эволюционного процесса, обусловленного преимущественно объективными социально-экономическими причинами.

Автором проведено исследование фактической динамики и характера утраты поселений на территории Дальневосточного федерального округа. В ходе него собраны и систематизированы сведения об исчезнувших поселениях, в том числе об административном статусе таковых, годах их основания (первого упоминания) и годах ликвидации, ее причинах, а также о максимально достигнутой численности населения на протяжении истории их существования. Всего исследовано 95 поселений на территориях 8 регионов, входящих в ДВФО до его расширения в 2017 г. Нужно отметить, что это не все известные исчезнувшие поселения, в исследование не было включено еще около 40 таких объектов, относительно которых не имелось полноты необходимых данных, прежде всего даты возникновения и исчезновения. Для характеристики величины поселения нами введены критерий «исторически максимальной численности населения». Из всего массива данных о динамике численности населения данного поселения выбирался исторически достигнутый максимум. С помощью такого показателя можно оценить реальное значение поселения в системе расселения — локальное или региональное. Собранные данные говорят о том, что суммарная историческая

максимальная численность населения поселений, исчезнувших на Дальнем Востоке, составляет около 110 тыс. жителей. Собранные данные в сокращенном виде (по каждому региону проведено их обобщение) представлены в Таблице 1. Проведенный сбор, статистическая обработка и фактический анализ данных дали результаты, которые значительно отличаются от приведенных выше представлений о характере, динамике и причинах исчезновения поселений на Дальнем Востоке. Раскрытием по пунктам выявленные отличия.

Представление об исторически недавнем характере процесса исчезновения населенных пунктов отличается от реальности. Фактом является то, что 45% поселков Дальнего Востока исчезли после 1991 г., т. е. процесс исчезновения в этот период в самом деле существенно ускорился. Тем не менее, если рассматривать этот процесс на больших промежутках времени, то приходится признать, что он начался очень давно и активно шел на протяжении всего XX в. Динамика ликвидации поселений на Дальнем Востоке такова, что уже половина из них исчезла до 1979 г., т. е. до начала перестройки. Самый первый случай ликвидации поселения на этой территории относится к XVIII в., когда в 1771 г. по приказу из Санкт-Петербурга был ликвидирован Анадырский острог, с принудительным отселением всех его жителей.

Практика ликвидации населенных пунктов на Дальнем Востоке прослеживается начиная с 1920-х гг. Этот период ознаменован утратой сразу двух поселений, имевших официальный статус города и существовавших длительный исторический период. Первым в 1926 г. был упразднен г. Гижигинск в Магаданской области, который был первым российским городом-портом на побережье Охотского моря и выполнял эту функцию начиная с 1752 г. [8, 3]. Его максимальное население составляло около 1 тыс. жителей. Вслед за ним, в 1929 г. был официально упразднен якутский г. Зашиверск, который существовал с 1639 г., т. е. с самого раннего периода освоения этих территорий. В течение почти трех столетий он был важным торговым и промышленным центром с постоянным населением около 500 жителей. В результате длительного упадка в нем остались немногие жители, которые его покинули в 1920-е гг. [9, 6].

Значительную активизацию процесс утраты поселений на Дальнем Востоке получил в 1960–1970-е гг., которые воспринимаются как период

Таблица 1. Сводные сокращенные данные по упраздненным поселениям Дальневосточного федерального округа

№ п/п	Название региона	Статус поселения	Средний год основания	Средний год упразднения	Максимальная численность населения, тыс.
1	Еврейская АО	село — 1, всего — 1	1928	1968	0,3
2	Амурская область	село — 10, поселок — 4, станция — 1, всего — 15	1917	1958	2,2
3	Магаданская область	поселок — 13, город — 1, село — 1, всего — 15	1932	1991	18
4	Сахалинская область	поселок — 2, село — 3, всего — 5	1925	1979	9,3
5	Якутия	поселок — 15, село — 2, город — 1, всего — 18	1922	1992	26,4
6	Камчатский край	поселок — 12, село — 3, город — 1, всего — 16	1877	1959	16,1
7	Хабаровский край	поселок — 4, село — 1, всего — 5	1937	1996	3,5
8	Чукотский округ	поселок — 18, село — 1, всего — 19	1901	1998	33,7
9	Приморский край	поселок — 1, село — 5, всего — 6	1908	1978	3
Итого		город — 3, поселок — 70, село — 27, станция — 1. Всего — 101 поселение	1916	1979	112,5

Иллюстрация 1. Поселок Комсомольский, Чукотский АО. Благоустроенный поселок с развитой инфраструктурой. Один из многих, исчезнувших впоследствии. Фото 1978 г. По [10]

активного освоения этого региона. Местами эта ликвидация шла даже более активно, чем в постсоветский период. Например, в Амурской области нами выявлено исчезнувших 15 поселений, при этом в постсоветский период закрыты лишь 3 из них. В Камчатском крае из 16 таких поселений после 1991 г. ликвидировано лишь одно, зато 12 упразднены в позднесоветскую эпоху.

Ликвидация населенных пунктов происходит в случае, если они имеют малое население и слабо развитую инфраструктуру, в ходе исследования не подтверждено, не удалось выявить какой-либо связи между этими двумя показателями и динамикой упразднения поселений. Средняя величина численности населения исчезнувших поселков составляет 1,1 тыс. человек. Из 95 ликвидированных поселений 22 имели максимально зафиксированную численность более 2 тыс. жителей, т. е. в два раза и более превышали среднюю величину населенного пункта. Максимальная численность населения упраздненного поселения составляет 5,3 тыс. жителей, такое поселение уже может относиться к категории малых городов. Эти довольно крупные поселения обладали в период своего существования вполне развитой социальной инфраструктурой. В качестве примера приведем состав такой инфраструктуры пос. Полярный в Чукотском автономном округе, в котором по состоянию на 1989 г. проживало 4,7 тыс. жителей: поселковая больница со стационаром на 50 коек и поликлиникой, средняя школа, вечерняя школа, музыкальная школа, детско-юношеская спортивная школа, ясли-сад, детский сад, клуб, поселковая библиотека, книжный магазин, бытовой комбинат, гостиница, спортзал, крытый хоккейный каток, пекарня, 4 продовольственных магазина, столовая, кулинария, кафе, почта, переговорный пункт, телерадиоузел, отделение Сбербанка [10, 6]. Чтобы дать представление о степени развития многих ныне заброшенных поселений, на Иллюстрации 1 приведен общий вид пос. Комсомольский на Чукотке с максимальной численностью населения около 4 тыс. жителей и также с развитой инфраструктурой.

Многие из исчезнувших поселков имели достаточно диверсифицированную производственную инфраструктуру, которая позволяла им быть относительно крупными экономическими центрами в своем регионе. Примером может служить село Комсомольское Сахалинской области. Основанное на южной части острова

в 1932 г. в период, когда он принадлежал Японии, оно было присоединено в 1945 г. к Советскому Союзу и превратилось в крупный локальный центр. Село имело выгодное приморское положение, в нем функционировали вполне развитые промышленные объекты: лесопромышленный цех, механизированный судостроительный цех со своим причалом, рыбная база, занимающаяся ловлей и заготовкой рыбы. В поселке располагались средняя общеобразовательная школа и детский сад, участковая больница, кинотеатр, дом культуры [11, 5]. Все это не помешало селу полностью исчезнуть в период 80-х гг. XX в.

Представление об эволюционном, длительном характере исчезновения поселений на Дальнем Востоке, преимущественно под влиянием экономических факторов, как и предыдущие, оправдывает себя лишь частично — значительная часть поселений на Дальнем Востоке исчезла по причинам, далеким от экономических, и иногда это происходило очень быстро. Например, в Амурской области в ноябре 1941 г. в условиях Великой Отечественной войны была в принудительном порядке ликвидирована целая сеть небольших сел, населенных немцами-меннонитами (одна из протестантских сект, чьи представители активно переселялись в Россию начиная с XVIII в.). Шесть сел с немецкими названиями были основаны в 1927 г. в порядке эксперимента по переселению на эти земли меннонитов, которые создали небольшие трудовые коммуну величиной около 200 жителей каждая. В мирных условиях в результате чисто административных решений тоже происходили активные выселения и переселения целых поселков. Например, пос. Преображенское на острове Медный близ Камчатки был основан в 1898 г. и успешно существовал до 1970 г., когда все его 200 жителей были переселены на Командорские острова [12, 4]. Это было сделано с мотивировкой — «для ускорения развития этого архипелага», причем переселенные жители просто влились в существующий районный центр островов, село Никольское. Аналогичные мероприятия по переселению целых поселков активно проводились в Чукотском автономном округе. Например, в 1951 г. жители пос. Дежнево в полном составе переселены в пос. Уэлен, а старинное село Кивак, основанное в 1765 г., годом позже было переселено в пос. Новое Чаплино. В 1958 г. переселено в разные поселения на Чукотке все население пос. Наукан. Этот населенный пункт был уникален тем, что существовал с периода до начала русской колонизации Чукотки, ученые относят его начало условно к XV в. [13, 6].

Если эти мероприятия можно списать на дух той эпохи, когда власти легко принимали решения о принудительном переселении больших групп населения, то еще более удивительно, что подобная практика сохраняется и в наше время. Так, в 2003 г. в том же Чукотском АО реализовано решение о полном переселении пос. Апапельгино, все население которого перемещено в г. Певек. Годом ранее полностью отселен пос. Шахтерский, который в лучшие времена своего развития имел численность населения до 3 тыс. жителей, что для Чукотки соответствует крупному населенному пункту. В 1997 г. было реализовано решение о переселении всего населения пос. Ушаковский, который был единственным населенным пунктом на острове Врангеля, в приграничной зоне с американским штатом Аляска. Поселок существовал с 1928 г., он обслуживал в том числе и пограничные военные части, радиолокационную станцию и имел население до 180 постоянных жителей. В результате все они переселены в пос. Угольные Копи на материке, а остров Врангеля оказался полностью безлюдным. Необходимо указать, что этот остров в 1920-е гг. был объектом territori-

альных притязаний США, которые организовали на нем первое постоянное поселение [14, 3].

Следует отметить, что вся Чукотка является приграничным регионом со всеми особенностями приграничного режима, это крайняя восточная территория России. За последние 30 лет она подверглась самой значительной депопуляции в масштабе всей страны. Из приблизительно 150 тыс. ее жителей к настоящему времени в регионе остаются лишь около 50 тыс., т. е. население сократилось приблизительно на 70%. В этих сложнейших условиях принимаются и реализуются решения о преднамеренной ликвидации целых населенных пунктов, притом значительных для региональной системы расселения и имеющих стратегическое положение.

Еще одной причиной исчезновения населенных пунктов на Дальнем Востоке являются стихийные бедствия. Примером может служить судьба поселка городского типа Нефтегорск, который был расположен в северной части острова Сахалин. В 1995 г. он был практически полностью уничтожен землетрясением. Несмотря на то, что до катастрофы в нем жило 3,5 тыс. человек, было принято решение не восстанавливать Нефтегорск и переселить оставшихся после землетрясения жителей в другие города Сахалина. В исторической практике это довольно редкий случай — обычно пострадавшие от сильных природных катастроф населенные пункты или восстанавливают на своем месте, либо строят заново на новом. Аналогичная участь постигла поселки Сибик-Тыллах и Ветреный, с той только разницей, что они уничтожены в результате действий человека. Оба они были довольно крупными горняцкими поселками в Магаданской области с населением около 1 тыс. жителей каждый. В 1986 и 1987 гг. они целенаправленно затоплены в ходе строительства Колымского водохранилища.

Кроме этих причин форсированной ликвидации населенных пунктов, нами была выявлена еще одна — поспешная формальная ликвидация фактически еще существующего поселения. Формальное упразднение или закрытие поселка — это акт, юридически препятствующий сохранению и возобновлению его жизнедеятельности. Его земли после этого юридически более не относятся к категории земель поселений, на которых можно вести градостроительную деятельность. Упраздненный поселок теряет свой почтовый адрес, упраздняются права собственности на объекты жилья, расположенные в нем, навсегда отключаются услуги ЖКХ, проживание людей в нем становится нелегальным. В обыденном представлении такие меры, как административное закрытие поселения, возможны только через определенное время после полного выселения его постоянного населения. Но практика показывает, что решения об упразднении населенных пунктов принимаются при наличии в нем некоторого постоянного населения. Более того, бывают случаи, когда это население продолжает свою жизнедеятельность даже после такого официального закрытия. Это свидетельствует о том, что ряд поселений не утрачивает свою жизнеспособность, вопреки неверным представлениям о характере их развития. Так, например, пос. Предпорожный в Якутии был юридически ликвидирован в 1998 г., хотя в нем оставалось около 200 человек постоянного населения [15, 4]. С этого времени их проживание там стало нелегальным и, в силу этого, очень затрудненным, хотя сам поселок до сего дня так и не исчез.

Как мы видим, в условиях слабо развитой системы расселения, дефицита населенных пунктов любой величины административная практика советского и постсоветского периодов такова, что сохранение и укрепление сети поселений не рассматривается как значимая задача. Поселки, созданные зачастую в труднодоступных местах

и с огромными материальными затратами, имеющие развитую инфраструктуру, не просто оставляются на произвол судьбы, а целенаправленно ликвидируются различными способами. При этом градостроительная ценность такого поселения в условиях крайне разреженной сети расселения Дальнего Востока намного выше аналогичного по величине поселения в составе крупных и развитых систем расселения центральных регионов страны.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное проблеме утраты населенных пунктов на Дальнем Востоке, показывает, что этот процесс идет активно, но он не четко связан с постсоветским периодом, как это обычно представляется. Населенные пункты в любом статусе — от села до города имеют свойство полностью исчезать по самым разным причинам. Причем это происходит вне зависимости от местоположения такого поселения, срока его существования, от его роли в системе расселения, степени развитости его инфраструктуры. Такое явление необходимо обозначить специальным термином, так как оно не имеет прямых аналогий с тем, что происходит в центральных российских регионах. В этой связи нами предлагается новое градостроительное понятие «слабая приживаемость» населенных пунктов на Дальнем Востоке. Это понятие отражает сущность того явления, что поселения, в развитие которых ранее были вложены значительные силы и средства, которые достаточно успешно функционировали и развивались, могут резко изменить динамику развития и прекратить свое существование за относительно короткий срок.

Вероятность нового возрождения утраченного поселения крайне мала, нам не удалось обнаружить ни одного подобного примера. И даже если подобное произойдет, например, под давлением соображений геополитического характера, сделать это будет трудно и экономически очень затратно. Гораздо проще поддерживать жизнедеятельность ключевых поселений в условиях Дальнего Востока, чем пытаться повторно вернуться к новому развертыванию их сети через какое-то время.

«Слабая приживаемость» населенных пунктов есть одна из малоизученных, но весомых причин массового оттока населения с Дальнего Востока в западные части страны. Жители, которые покидают свое место проживания в индивидуальном порядке в силу экономических, бытовых или иных причин, составляя, условно говоря, «цивилизованную миграцию», которая ограничена в своих масштабах и темпах. Жителей поселений, которые ликвидированы полностью и, тем самым, принудительно лишились возможности проживания, следует рассматривать в большей степени как беженцев, которые мигрируют потому, что утратили жилье и спасаются от социально-экономической катастрофы локального масштаба. Для многих из них характерно стремление уехать как можно дальше от места краха своих прежних жизненных планов, в том числе и за пределы Дальнего Востока. Нами установлено, что только в полностью исчезнувших поселениях проживало порядка 100 тыс. жителей, которые были вынуждены их покинуть. Сегодня остается значительное число населенных пунктов, приближающихся к аналогичной ситуации — административному закрытию. Их жители могут в скором времени стать новыми потенциальными «принудительными мигрантами».

Решение вопроса повышения «приживаемости населенных пунктов» на Дальнем Востоке является, по нашему мнению, одной из важнейших задач по оптимизации развития расселения этого макрорегиона. Важно учитывать

градостроительную специфику Дальнего Востока, преимущественно очаговый характер его расселения. Необходимо серьезное осмысление практики освоения этой территории, чтобы иметь возможность дать обоснованные предложения по прекращению сворачивания его системы расселения, а в перспективе — переломить эти негативные тенденции в его развитии.

Список использованной литературы

- 1 Проблемы населения Дальнего Востока / Ю. А. Авдеев, З. И. Сидоркина, Е. Э. Бельская и др.; Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние, Тихоокеан. ин-т географии. — Владивосток: Дальнаука, 2004. — 211 с.
- 2 Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке: заселение Дальнего Востока. — Владивосток: [Б. и.], 1926–1929. — 26 с.
- 3 Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.). — Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. — 198 с.
- 4 Кондаков К. Г., Кожевникова Н. И. О неотложных мерах по заселению Дальнего Востока (докл. записка) / Ин-т социол. исслед. АН СССР. Сектор социальных проблем миграции. — М.: [Б. и.], 1975.
- 5 Кондаков К. Г., Кожевникова Н. И., Колтунов Л. А., Безруков И. С. Необходимые меры по заселению южных районов Дальнего Востока (докл. записка) / Ин-т социол. исслед. АН СССР. Сектор социальных проблем миграции. — М.: [Б. и.], 1975. — 8 л.
- 6 Освоение юго-восточных окраин России: в 4 т. / под общ. ред. В. В. Крюкова. Т. 2: Заселение Дальнего Востока (архивные документы, статьи, публикации). — Хабаровск: Юпитер, 2015. — 30 с.
- 7 Шайдуллин Р. В. Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 29–30 сентября 2016 г.). — Уфа, 2016. — С. 149–153.
- 8 Гижигинск. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гижигинск> (дата обращения: 10.02.2021).
- 9 Зашиверск. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зашиверск> (дата обращения: 17.02.2021).
- 10 Комсомольский (Чукотский автономный округ). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Комсомольский.jpg> (дата обращения: 15.01.2021).
- 11 Комсомольское (Сахалинская область). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Комсомольское/> (дата обращения: 12.02.2021).
- 12 Преображенское (Камчатский край). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Преображенское> (дата обращения: 19.02.2021).
- 13 Наукан (Чукотский автономный округ). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Наукан> (дата обращения: 15.01.2021).
- 14 Ушаковский (Чукотский автономный округ). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Комсомольский.jpg> (дата обращения: 15.01.2021).
- 15 Предпорожный. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Предпорожный> (дата обращения: 17.01.2021).

References

- 1 Problemy naseleniya Dal'nego Vostoka / Yu. A. Avdeev, Z. I. Sidorkina, E. E. Bel'skaya i dr.; Ros. akad. nauk. Dal'nevost. otd-nie, Tihookean. in-t geografii. — Vladivostok: Dal'nauka, 2004. — 211 s.
- 2 Georgievskij A. P. Russkie na Dal'nem Vostoke: zaselenie Dal'nego Vostoka. — Vladivostok: [B. i.], 1926–1929. — 26 s.

- 3 Kabuzan V.M. Kak zaselyalsya Dal'nij Vostok (vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.). – Habarovsk: Kn. izd-vo, 1976. – 198 s.
- 4 Kondakov K. G., Kozhevnikova N. I. O neotlozhnyh merah po zaseleniyu Dal'nego Vostoka (dokl. zapiska) / In-t sociol. issled. AN SSSR. Sektor social'nyh problem migracii. – M.: [B. i.], 1975.
- 5 Kondakov K. G., Kozhevnikova N. I., Koltunov L. A., Bezrukov I. S. Neobhodimye mery po zaseleniyu yuzhnyh rajonov Dal'nego Vostoka (dokl. zapiska) / In-t sociol. issled. AN SSSR. Sektor social'nyh problem migracii. – M.: [B. i.], 1975. – 8 l.
- 6 Osvoenie yugo-vostochnykh okrain Rossii: v 4 t. / pod obshch. red. V. V. Kryukova. T. 2: Zaselenie Dal'nego Vostoka (arhivnye dokumenty, stat'i, publikacii). – Habarovsk: Yupiter, 2015. – 30 s.
- 7 Shajdullin R. V. Regional'nye enciklopedii v sovremennoj nauchnoj infokommunikacionnoj sisteme Rossii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Ufa, 29–30 sentyabrya 2016 g.). – Ufa, 2016. – S. 149–153.
- 8 Gizhiginsk. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Gizhiginsk> (data obrashcheniya: 10.02.2021).
- 9 Zashiversk. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Zashiversk> (data obrashcheniya: 17.02.2021).
- 10 Komsomol'skij (Chukotskij avtonomnyj okrug). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fajl:Komsomol'skij.jpg> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
- 11 Komsomol'skoe (Sahalinskaya oblast'). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Komsomol'skoe/> (data obrashcheniya: 12.02.2021).
- 12 Preobrazhenskoe (Kamchatskij kraj). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Preobrazhenskoe> (data obrashcheniya: 19.02.2021).
- 13 Naukan (Chukotskij avtonomnyj okrug). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Naukan> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
- 14 Ushakovskij (Chukotskij avtonomnyj okrug). – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fajl:Komsomol'skij.jpg> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
- 15 Predporozhnyj. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Predporozhnyj> (data obrashcheniya: 17.01.2021)

Anton Mazaev

Candidate of Architecture, corresponding member of the RAASN, Head of the Laboratory, Branch FSBI «TsNIIP Minstroy Russia» UralNIIprojekt, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: uro-raasn@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7751-8997

Статья поступила в редакцию в апреле 2021 г.
Опубликована в июне 2021 г.